

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВОКАРТОГРАФИЯ —
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ
(аспект познания жизни диалектоносителей в прошлом и настоящем)**

В исследовании учитывается прежде всего роль фонетики в определении статуса и индивидуальности языка. Понятна значимость не только толковых национальных словарей, но и региональных, областных, а также и разного типа диалектных атласов.

На примере исследований уникальных псковских говоров, находящихся по соседству с разными языками (славянскими и неславянскими), показано, как на основе специфики говоров в области разных языковых уровней, с привлечением сведений разных смежных наук можно установить и древнейшие условия жизни славянских племен, а также своеобразие русских говоров в иноязычном окружении.

Наблюдения над древнейшими особенностями псковских говоров помогают выявить языковую картину мира древних племен, легших в основу псковских говоров. Учет своеобразия в развитии древних языковых фактов позволяет ученым говорить о древнем псковско-новгородском диалекте.

Ключевые слова: областные словари, лексическое картографирование, историческая фонетика, языковая картина мира, древний псковско-новгородский диалект, этнолингвистический аспект, взаимодействие наук.

L.J. Kostiuchuk

**LEXICOGRAPHY AND LINGUISTIC CARTOGRAPHY – COMPONENTS
OF LINGUISTIC GEOGRAPHY
(Aspect of Learning the Way of Life of Dialect Speakers in the Past and in the Present)**

The research deals first and foremost with the role of phonetics in defining the status and individuality of the language. Not only national defining dictionaries are of sure significance, but also regional, district dictionaries and various dialectic atlases.

The example of research on the unique Pskov dialect (neighbouring various languages – Slavic and non-Slavic) shows how to reconstruct the most ancient way of life of Slavic tribes and singularity of Russian dialects in the foreign environment on the basis of dialect peculiarity in various language layers with the use of various allied disciplines data.

Review of the most ancient peculiarities of the Pskov dialect helps to reconstruct the linguistic worldview of ancient tribes who founded the Pskov dialect. On the basis of the uniqueness of development of ancient language facts researchers distinguish the Pskov and Novgorod dialect.

Key words: district dictionaries, lexical cartography, historical phonetics, linguistic worldview, ancient Pskov and Novgorod dialect, ethno-linguistic aspect, interaction of disciplines.

На то, что язык способен представить народ и его отдельных представителей в разных аспектах их жизни (от индивидуального, частного до социального, национального), писал еще В. фон Гумбольдт, говоря о «духе народа». На подъеме становления и развития сравнительно-исторического метода в XIX веке многие ученые шли от конкретного проявления языковых свойств у того или иного народа, чтобы можно было и установить специфику языка, и объяснить национальные особенности в жизни самих носителей языка. Глубокие наблюде-

ния за всем этим последовали вслед за комплексным изучением языка, народного творчества (вспомним, например, братьев Grimm), а значит, и национальных черт; вслед за наблюдениями своеобразия условий жизни, труда, привычек, традиций носителей языка. Изучался и сам язык. Значимым оказалось это в зависимости не только от разных национальных языков, но и от территориального деления одного языка. Успехи в науке диалектологии еще XIX века, бесспорно, определили успехи и в смежных науках, в частности этнографии, лингвогеографии.

Выяснилась прежде всего роль фонетики в характеристике статуса и индивидуальности языка (вспомним установление значимости и бесспорности языковых фонетических законов). Особенно в XX веке пришло осознание той роли, которую играет язык с его лексическим богатством в создании так называемой языковой картины мира с дальнейшей разработкой теории лексико-семантических и лексико-тематических полей, концептов. Отсюда признание значимости не только толковых национальных словарей, но и региональных, областных. Через слово с его планом выражения и стоящим за этим планом содержания оказалось возможным поддержать выводы и других наук (например, археологии) в выяснении условий и времени миграции древних славянских племен. Теория С. М. Глускиной об отсутствии второй палатализации заднеязычных согласных в псковских говорах прежде всего в корнях, относящихся к передаче понятий, важных для сельских жителей (*кеп-, кев-, кед-* вместо *цеп-, цев-, цед-*) [1, с. 20-43], и затем поддержка этой теории А. А. Зализняком, изучавшим новгородские берестяные грамоты [2], имела опору и в выводах археологов (в частности, В. В. Седова) о миграции на восток древних славянских племен из Средней Европы в связи с климатическими условиями. Несвершение второй палатализации — это одна из ярких черт, характеризующих древние псковские и частично новгородские говоры, она явилась опорой для теории древнего псковско-новгородского диалекта, обоснованной А. А. Зализняком [2; 3, с. 218-223]. Для указанных слов значим не только фонетический аспект рассмотрения этих отдельных единиц, но и лексико-семантический анализ своеобразия лексем, входящих в тематическую группу названий, которые относятся к древнему пласту лексики, характеризующему сельский быт. Тем самым воссоздается возможная картина изоляции на соответствующий период времени славянских племен (кривичей), прошедших через территорию, заселенную массивом финно-угорских и балтийских народов.

Своеобразие рефлекса древнего звука [ǣ] дифтонгического происхождения проявляется и в том, что в современных псковских говорах обнаруживаем не только слова *кеп, кедить, кевка*, но и [и]-образное произношение гласного. Нам удавалось встречать не только слово *кеж* в значении особого напитка в результате или отвара овса, или изготовления творога. Так, в диктофонной записи недавних лет обнаружена нами лексема *киж* при описании изготовления творога. Подобное было зафиксировано и З. А. Петровой, О. В. Васильевой (СПбГУ) в недавних диалектологических экспедициях в Тверскую область в районы с говорами, граничащими с псковскими [7, с. 139-144]. Произношение рефлекса древнего [ǣ] в современных говорах как [и] отмечалось еще и А. А. Шахматовым.

Такого же типа явление, как псковско-тверское *киж* к более распространенному *кеж*, и псковское *кип¹* к *кеп* (ср. *восьникѣтина*) в значении ‘переплетение нитей основы и утка, создающее рисунок ткани’ в Плюсском р-не (*Два кѣпа ткѣш — это прѣство, чѣтыре — рисунок*), в Карамышевском районе (*Салфѣтки ткѣли на вѣсим кѣпѣф, па двенѣцѣть*) (ПОС, в. 14, с. 93), даже *кивь* к *кевь*, но с другим значением — таким же, что у *кеп²* в третьем значении, т.е. ‘рукоятка цепа’ (*Рѣчка-та кѣвь у нас назывѣецѣ*. Сланцевский район) (Там же).

Следовательно, на фоне продолжения исконного *кед-* / *кеж-*, *кеп-*, *кев-* обнаруживается произношение с гласным [и] на месте древнего звука [ǣ]. Следовательно, единицу с таким произношением можно рассматривать как уже лексикализованную, как это и подается в ПОС в следующих случаях.

Кеп¹ — 1. ‘нитяные петли, продетые через две параллельные палочки, для подъема нитей основы’ в Гдовском, Дновском, Карамышевском, Палкинском, Печерском, Плюсском, Порховском, Псковском, Середкинском, Славковском районах с однокорен-

ным синонимом *кѣпина* и разнокоренными *нит*, *ни́ченка*; 2. ‘деревянные палочки для продевания нитяных петель в ткацком станке’: *Кяпы́* [фонетическое яканье на месте современного безударного [e]-звука] — *эта пáльчки, вдѣты ф кабы́лки*. Порховский район. Такое же отмечено и в Стругокрасненском районе, а в прошлом и у Копаневича в фольклорном тексте. В этом значении к слову *кѣп* есть однокоренной синоним *кѣпóк*².

Указанный случай *кѣп*¹ со звуком [и] при лексикализации, в отличие от исходных слов *кѣп*¹, *кѣпáк*, *кѣпина*, *кѣпцá* при наличии семы ‘отнесенность к ткацкому станку’. Наблюдается синонимия с более типичным для такой семы корнем *кѣв-* (при обнаружении большого количества однокоренных образований: *кѣвка*, *кѣвѣц*², *кѣвцá*, *кѣвцó*, *кѣвѣчка*^{*}, *кѣвочка*^{*}).

И в то же время только что показанные лексемы *кѣп*¹, *кѣп*¹ омонимичны словам с *кѣп*² с однокоренными синонимами *кѣп*², *кѣпáк*, *кѣпáть*, *кѣпѣтик*, *кѣпѣть*, *кѣпѣц*, *кѣпѣтик*, *кѣпóк*¹ — все они с семьей ‘цеп’, т.е. имеют смысловую связь с обмолотом, причем обнаруживают синонимы с другим корнем — *кѣв-*: *кѣвáлка*, *кѣвáть*, *кѣвѣц*, *кѣвѣина*, *кѣвóк*, *кѣвь* при лексикализованной единице *кѣвь* с синонимом *кѣвушка*.

Необходимо подчеркнуть, что широкая система однокоренных синонимичных образований способствует лексикализации единиц.

В таких случаях проявляются сложные взаимоотношения единиц, поддержанные словообразовательной деривацией.

Сложные отношения в указанных корнях начинаются с других фонетических отношений (вместо бывшего звука [ѣ] звук [и]), которые могут становиться лексикализованными (напомним *кѣп*¹ — *кѣп*¹), если обе стороны или одна имеют разветвление словообразовательных дериватов (их имеет *кѣп*). Но даже без словообразовательных дериватов другая сторона (*кѣп*), встречаясь в разных районах (лексема *кѣп* обнаружена пока в двух районах — Плюсском и Карамышевском. См.: ПОС, в. 14, с. 125). Составитель же словарных статей одному случаю *кѣвь* при разветвлении однокоренных синонимов при исходном *кѣвь* пока отказал в статусе отдельного слова (в ПОС указывается что *кѣвь* — это вариант к *кѣвь*).

Однако известно, что даже единичный случай может быть важным показателем возникающего явления; таково развитие аналогичного процесса: *кѣп-* — *кѣп-*, *кѣж* — *кѣж*, *кѣвь* — *кѣвь*, что допускает считать такие лексемы самостоятельными.

Причем замену старого [ѣ] звуком [и] под ударением наблюдаем в фонетическом облике корня только без второй палатализации (ведь нет случаев **цѣп* — **цип*).

Только Псковский областной словарь с его Картотекой как результат лексикографической обработки материала создает идеальные условия для наблюдений над уникальным материалом. Тем более с применением методики Б. А. Ларина по созданию словаря полного типа, когда фиксация при сборе и обработке материала проходит с максимальной сохранностью попадающего в руки исследователей лексического богатства [4]. Весь этот материал исследуется при лексикографическом подходе с учетом и этнографических, и лингвогеографических сведений в условиях проявления ситуаций диалектного дискурса.

Наглядный материал при детальной разработке семантической структуры слова и дает возможность выяснить своеобразие единиц в плане выражения и в плане содержания. Определенные парадигматические отношения между однокоренными и разнокоренными словообразовательными дериватами от анализируемых корней таковы:

а) Указанные корни *кѣп-* и *цѣп-*, с одной стороны, и *кѣв-* и *цѣв-* — с другой, видимо, сближает широкая, обобщающая сема ‘движение’; поэтому-то неожиданно употребление их в одном значении, связанном или с семьей ‘ткацкий станок’, или с семьей ‘обмолот’.

б) Дериваты могут создавать внутри одного по плану выражения корня омонимичные образования, проявляя разные семы.

в) Сами дериваты внутри каждого из корней создают синонимический ряд на соответствующее значение; в этот ряд входят не только однокоренные, но и разнокоренные синонимы.

г) Система оказывается убедительной и логично построенной. Но тогда следовало бы и в случаях с другим корнем, в частности с *ked-* (**kěd* < **koid*), вести разработку слов подобным образом, т.е. для следующих двух слов: с корнем *ked-* и с корнем *ced-*. Но в вып. 14 ПОС на букву «К» дается отсылка: *кедѣлка* см. *цедѣлка*; *кедѣть* см. *цедѣть*. Автор словарных статей слова со звуками [к] и [ц] в данном случае вдруг считает не самостоятельными словами, а единицы с корнем *ked-* — подает лишь как варианты слов с корнем *ced-*. Нам кажется это нелогичным.

Известно, что переселившиеся из одного места в другие места носители говоров, с одной стороны, бережно сохраняют специфику материнского языка, а с другой — приобретают некоторые черты того языка, с которым населению приходится общаться. И как бы ни были закрытыми, например, сообщества староверов, их язык очень наглядно проявляет эти две тенденции: вспомним староверов в Эстонии, Литве, Польше, даже за океаном, в Америке, которые являются выходцами с Псковской земли, вынужденные покинуть Россию в результате Никоновского раскола церкви.

Как узнать судьбу таких говоров? Конечно, этому способствует словарь, фиксирующий максимально все услышанные собирателем-исследователем лексемы и их словоформы. Ценен словарь говоров выходцев Великолукского уезда Псковского края, созданный коллегами из Польской академии наук I. Grek-Pabisowej и I. Maryniakowej в 60-е годы XX века. В латинской диалектной транскрипции не только приводятся иллюстрации на ту или иную лексему, но и даются в качестве заголовочных словоформы прямые и косвенные. С одной стороны, это затрудняет быстрое нахождение интересующего тебя слова, затрудняет быстрое знакомство с материалом, а с другой — сразу дает указание на своеобразие диалектного явления в разных аспектах.

Нами в этом словаре обнаружены два слова — *k'ěť* и *k'ěťkь* — явно родственные. Из морфемной структуры второго следует, что это уменьшительное образование к первому. На первый взгляд, значения слов не понятны. Но русские синонимы из говоров (*серкь*, *сероцькь*), синоним-заимствование из польского *łańcuk* [8, s. 42, 129, 140], да и перевод на польский как 'łańcuch', 'łańcuszek' свидетельствуют, что эти слова означают 'цепь', 'цепочка'.

Затем наши исследовательские рассуждения в результате сопоставления староверческих псковских слов из польского окружения, причем с [*k'e*]-мягким (!) в начале слова и типично русских слов *цепь*, *цепочка* с [*це*] вызывает вопрос, не отсутствует ли и здесь вторая палатализация? Но тогда где же корневой конечный звук [*n*]? Поиски допускают признать древнее сочетание **pt* (конечный согласный корня и начальный звук суффикса) и последующее упрощение этого сочетания: **pt* > **t*, а затем формирование нового корня **koiť-* > **kěť-*, в котором в древности, в общеславянском языке, был дифтонг, изменившийся в **ě*. Итак, как будто радость от пополнения числа корней с начальным древним **kěť(t)*, не пережившим второй палатализации.

Однако приходится учитывать внешнюю лингвистику (по Ф. де Соссюру): русские говоры, где обнаружены разбираемые случаи, сохранились на территории Польши, недалеко от Познани, где было немецкое влияние. А в немецком языке понятие «цепь» обозначается словом *die Kette*. Поэтому можно сделать допущение, что рассматриваемые случаи — заимствования из немецкого языка.

Вот два исключаящих друг друга решения. И на данный момент других объяснений не имеется. Но возможное предположение еще об одном, видоизмененном древнем корне продолжает радовать исследователя, тем более что в указанных словах исследователи-лексикографы указывают именно мягкий согласный звук [*k'*].

Значимость даже единичных случаев в сборе и интерпретации наименований для соответствующих понятий при работе над лексическими атласами, в частности над Лексическим атласом русских народных говоров, обнимающим территорию народных говоров на всей Европейской части России, приводит иногда тоже к необычным открытиям. Так, работая над лексической картой «*Кучка земли, накрытая кротом*», З. В. Жуковская в наших псковских говорах Дновского и Печерского районов нашла слово *норá*, которое сначала вызвало у коллег-картографов при обсуждении легенды к карте резкое неприятие. Но даль-

нейшие поиски исследователя привели к десяткам населенных пунктов в других говорах на Европейской части России, где оказались подобные наименования: *но́ра*, *но́рка*. И в Пробном выпуске Лексического атласа русских народных говоров это наименование занимает прочное место наряду с более типичными случаями типа *кромóвина*, *кромíна* и др. с корнем *кром-* [5, с. 101-104; карта № 17].

В чем же дело? А ведь это типичный случай энантиосемии, неизвестный до сих пор, но как факт известный особенно в говорах: отрицательный ландшафт и положительный ландшафт имеют одно наименование. И теперь в диалектные примеры типа *погóда*, *благóй* на энантиосемию прочно вошло и слово *но́ра*.

Этнолингвистические проблемы в пределах особенно контактных языковых и этнографических зон очень важны при изучении псковских говоров, имеющих финно-угорский субстрат (отсюда и лексические единицы типа *баркáн* ‘морковь’ со словообразовательными дериватами *баркáнник*, *баркáнина* и др.; *ка́лика*, *ка́левка* и многие другие единицы со значением ‘брюква’).

Это и многочисленные фонетические явления, изучаемые Л. П. Михайловой относительно сочетаний разнообразных согласных под влиянием финно-угорской фонетики [например, 6, с. 129-133].

Для псковских говоров типичны явления мены свистящих и шипящих звуков [*с* — *ш*], [*з* — *ж*]: *суба* вместо *шуба*, *зани́х* вместо *жених*. Так возникают явные фонетические варианты слова.

Любопытны древние слова типа *прочкди* ‘прочли’, *учкди* ‘учли’ с сочетанием [*кл*] вместо древнего [*тл*] при упрощении древнего сочетания (**tl*, **dl*), что отмечается и в Разговорнике Т. Фенне, составленном немецким купцом в Пскове в 1607 г. для своих коллег-купцов в помощь общения с псковичами [9]. Это фиксируется и в летописях в устойчивом фразеологизированном выражении *вськди на конь* ‘выступить в военный поход’ вместо *всьели на конь* (обнаружено сочетание [*гл*] вместо древнего **dl*). Это и современные слова *егла* ‘ель’ и др. Такое явление — наличие сочетаний [*гл*], [*тл*] вместо древних **dl*, **tl* — характерно для балтийский языков, о чем писала С. М. Глушкина, показывая роль соседства других языков для определения специфики русского, в частности диалектного. Отражается это явление в псковских говорах как влияние субстрата балтийских языков. Как одну из ярких черт древнего псковско-новгородского диалекта отмечает этот факт А. А. Зализняк [2; 3].

Сбор лексического материала для Лексического атласа русских народных говоров в пограничных зонах с Белоруссией требует для наименования реалии «лук» фиксировать и слово *цибу́ля*, что студент с удивлением записывает для Псковского областного словаря и для Лексического атласа, как и *захóвывать* ‘прятать’ с верным пояснением, что «это от бабушки, она слышала это от белорусов, да и сами употребляли». Иногда возникают пояснения информанта, что слово *цибу́ля* называло особый сорт лука. «Свое» и «чужое», существующие рядом, одновременно, диалектоносители пытаются дифференцировать для удобства употребления. Входящие в псковские пограничные говоры белорусские слова часто имеют корни из польского.

Языковая картина мира при создании областных словарей и лексических атласов должна отражать и лексические, и фонетические особенности прежде всего, тем самым представлять пространство и время через язык, через сопоставление разных территорий и с учетом времени создания лексикографического и картографического труда, с отражением этнолингвистических и лингвогеографических условий фиксации. Без этого не будет адекватного восприятия материала. На одном из диалектологических недавних заседаний диалектолог не из псковского региона не хотел согласиться, что термин свадебного чина *клéтнийк* в псковских говорах и русских говорах Эстонии (имеющих истоки в псковских говорах) означает очень важного в ритуале свадьбы человека, отвечающего за первую брачную ночь молодых. Несогласие возникало потому, что якобы «причем тут клеть...». Но надо знать традиции региона, условия помещения молодых после праздничного дня на ночь обычно в клеть и пр. Важно учитывать этнографические традиции.

Кроме того, важно учитывать, что многое меняется в говорах, поэтому наименования одним словом не везде актуальны. Так, после ряда дискуссий на примере Лексического атласа русских народных говоров было решено частично изменить Инструкцию для атласа: фиксировать на карте, при отсутствии однословного наименования, и описательные конструкции, особенно, если от одного из членов сочетания могут быть какие-то словообразовательные дериваты. Это сделано для того, чтобы не обеднить понятийный мир реалий у носителей говоров определенных территорий. Особенно важным это оказалось и в случаях наличия дериватов и от общерусских слов. Переключки с названиями для других реалий приходится тоже отстаивать, сопровождая их хорошими иллюстрациями-контекстами. Ср. слово *бирюк* как наименование и большого медведя, в то время как это название обычно служит для названия волка [5, с. 61-65, карта № 6]. Важным оказалось название *бачажник* для густых зарослей кустарника, тем более при убедительных объяснениях со стороны диалектоносителей [5, с. 72-76, карта № 9].

Конечно, ведется установка на полную запись материала от людей-диалектоносителей разных возрастов (это требование Б. А. Ларина [4]) при дальнейшем исследовании и обработке непосредственно словарных статей и легенд к карте. Такой подход позволяет выяснить многое. Так делаются разноуровневые открытия в области языковых особенностей говоров, часто в лексико-семантической структуре слова, в значении фразеологизированной единицы. Вспомним псковское *бурый* в значении 'серый' для волка; устойчивое сравнение (*работать как волк* (а не *как вол*)).

Поэтому удачно ориентировать собирателей-студентов на вопросы типа «*Как у вас называется то или иное понятие?*» (в отличие от другой деревни); «*Как это называли Ваши мама, бабушка?*» (чтобы определить и временные рамки).

Так изучение говоров в современных условиях объективно заставляет менять, уточнять Инструкции. Но это отражает соответствующие условия и изменения в существовании говоров, и новые этнографические и социальные условия. Не случайно столетняя бабушка ничего не могла рассказать о свадьбе (при работе над лексикой свадебного обряда аспирантка надеялась получить важные сведения): молодость информатора пришлась на годы становления советской власти (это южные районы области, граничащие в прошлом с Польшей) — и не было никакой свадьбы.

Подведем итоги. В XX веке в отечественной, как и в мировой, науке были обоснованы принципы многих типов диалектных словарей и диалектологических атласов. Прогресс жизни многое менял в обществе и требовал фиксации через слово и проведения исследований того, как отражалась через лексику специфика жизни народа в прошлом и настоящем. Понимание плана содержания слова невозможно без знакомства с культурными, этнографическими, этническими, социальными составляющими жизни человека и без учета ментальных традиций в отношениях людей друг с другом и с миром. В лексикографии и картографии важны прежде всего 1) полнота материала (количество регистрируемых лексем, не только регионально ограниченных, но и общенациональных); 2) широта и информативность иллюстраций, получаемых от диалектоносителей разных возрастов; 3) хорошее знакомство с опытом предшественников для выяснения синхронно-диахронных особенностей слова и передаваемых им сведений о народном быте.

Сокращения

ПОС, выпуск, страница — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-21... Л./СПб., 1967-2009...

Литература

1. Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 20-43.

2. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995; 2-е изд. М., 2004.
3. Зализняк А. А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 218-223.
4. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.
5. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2004.
6. Михайлова Л. П. Экстенциальный вариант слова в отношении к лексической системе диалекта // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Т. I. Псков, 2010. С. 129-133.
7. Петрова З. А., Васильева О. В. Псковско-тверские лексические параллели (по материалам ПОС и словаря «Селигер») // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Т. I. Псков, 2010. С. 139-144.
8. Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980.
9. T. Fenne's Low German Manual of spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.